

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.014

Социологическая рефлексия государственной национальной политики современной России

С. Г. Ивченков, Я. А. Никифоров, О. А. Романовская, М. В. Калининкова

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivchenkovsg@mail.ru

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikiforovy@mail.ru

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanovska.ol@yandex.ru

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kalinnikova1@rambler.ru

В статье представлен сравнительный анализ Концепции и Стратегии государственной национальной политики в части эффективности реализуемых практик нациестроительства и гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне. Авторы рассматривают государственную национальную политику России, акцентируя внимание на фоновом контексте этнокультурных регулянтов. Авторская рефлексия направлена на определение эффективности наиболее часто используемых способов получения социальной информации. Делается вывод, что серьезным ресурсным потенциалом обладают методология *Verstehen* и этнометодология. В этом предметном поле исследовательский интерес сфокусирован на процедурах интерпретации, скрытых, неосознаваемых, нерелективных механизмах социальной коммуникации в контексте изучения взаимосвязи этнических и социальных явлений в современном обществе, этнических процессов в различных социальных группах и социальных процессах в различных этнических общностях.

Ключевые слова: национальная политика, этноконфессиональные отношения, полиэтнические сообщества, этнометодология, методология *Verstehen*.

Sociological Reflection of the State's National Policy in Modern Russia

S. G. Ivchenkov, Ya. A. Nikiforov, O. A. Romanovskaia, M. V. Kalinnikova

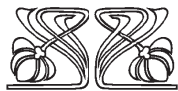
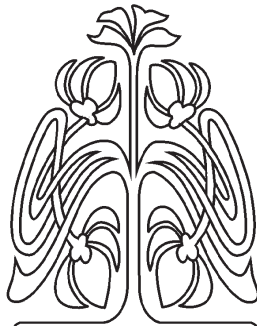
Sergey G. Ivchenkov, <https://orcid.org/0000-003-1939-214X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivchenkovsg@mail.ru

Yaroslav A. Nikiforov, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikiforovy@mail.ru

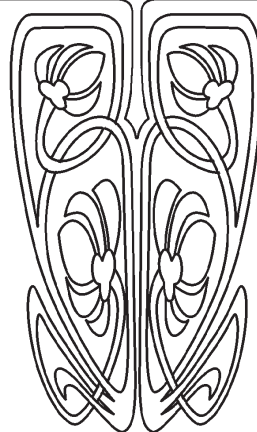
Olga A. Romanovskaia, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

Marina V. Kalinnikova, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kalinnikova1@rambler.ru

The article presents the comparative analysis of the state's national policy concept and strategy regarding the efficiency of the realized practices of nation building and harmonizing the ethnic

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

confessional relations at the regional level. The state's national policy in Russia focusing on the background context of ethnic cultural regulators is considered. The authors' reflection is directed to defining the efficiency of the most often used ways of obtaining social information. The conclusion is made that Verstehen methodology and ethnomethodology possess serious potential. In this subject field the research interest is focused on the procedures of the hidden, irreflexive mechanisms of social communication interpretation in the context of studying interrelation of the ethnic and social phenomena in modern society, ethnic processes in various social groups and social processes in various ethnic communities.

Keywords: national policy, ethnic confessional relations, multiethnic communities, ethnomethodology, Verstehen methodology.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-370-374>

В конце XX в. в этносоциальной истории России произошли кардинальные изменения, осмысление которых стало общим местом для обществоведческой традиции постсоветской России. Так же, как и во всех посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, этот крутой поворот был отмечен, в первую очередь, учреждением новых политических институтов и реформированием государственного управления. На обоих уровнях этого процесса, как государственного, так и местного самоуправления, появилась проблема эффективного управления полиэтническими сообществами.

Реалии момента позволяют утверждать, что широкий общественный интерес к проблемам этничности актуален, в первую очередь, потому, что мифология так называемого этнического возрождения в России вызвала не только рост этнического самосознания, но и кровавые конфликты на различных уровнях бытования российского социума. Очевидно, что этнокультурные меньшинства, выступавшие в защиту своих прав, дали особый импульс формированию различных интеллектуальных проектов сохранения идентичности государствообразующей нации.

Вполне естественной реакцией на происходящие процессы была разработка на государственном уровне опорных документов национальной политики, призванных определять принципы, приоритетные цели и задачи, а также механизмы ее реализации. В 1996 г. была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Однако все-таки считать этот документ основой претворения в жизнь сколько-нибудь конструктивного государственного кредо национальной политики можно было только в момент ее принятия. Достаточно указать на очевидно дестабилизирующий для государственного здания фундамент этой Концепции, постулирующий в качестве тенденций будущего общественного развития «стремление народов к самоопределению» и «возрастающую самостоятельность субъектов Российской Федерации»¹.

Практически сразу же как в политическом, так и в научном сообществе начались дебаты о необходимости выработки нового документа, призванного упорядочивать и определять общее направление формирования национальной политики в России. И 19 декабря 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. (далее – Стратегия), на сегодняшний день концептуализирующая данную сферу общественной жизни. В качестве основных целей в Стратегии определяются: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов².

Грамотно сформулированные как в социально-историческом, так и в государственно-правовом отношении, эти цели в процессе реализации на практике должны были неизбежно натолкнуться на неоднородность положения дел в этнической сфере в регионах России. Такое состояние предопределено всем многовековым ходом исторического развития нашей страны вкуче с хаотичностью внешне- и внутривнутриполитических процессов конца XX – начала XXI в. Общественный и научный интерес к проблеме этнической идентичности и «я»-детерминации в контексте цивилизационных признаков нашей страны и суждения разных исследователей об этом прямо и косвенно коррелируют с областью международного права. За первые десятилетия XXI в. в массовом сознании россиян, а отчасти и в социальных науках сформировалось несколько форматов восприятия данного процесса. Использование этнической риторики, апелляция к этнической солидарности и национальной исключительности, напоминания об исторических народных трагедиях редко базируются на научном анализе.

На практике это вылилось в: гетерогенность национального состава регионов; диспропорцию властных полномочий между этническими группами в регионах; существенные различия в социально-политическом и экономическом развитии регионов; разнонаправленность и наполненность внутренних и внешних миграционных потоков в регионах и, соответственно, разные уровни адаптации мигрантов. Разрешение противоречия между поставленными задачами и исходными условиями социально-этнической ситуации в стране было задумано с помощью более четкой проработанности национальной политики на местном уровне и стремления по-

высвить ответственность региональных и муниципальных властей.

Базовым социальным механизмом достижения поставленных целей были выбраны долгосрочные целевые программы по гармонизации межэтнических отношений и укреплению единства российской нации. Следуя генеральной линии государственной национальной политики, изложенной в Стратегии, региональные власти стали разрабатывать и претворять в жизнь комплексы мероприятий в рамках данных программ³. И сейчас же встал вопрос об эффективности реализуемых практик в рамках этих программ. Даже если оставить за скобками региональную специфику проблем в сфере межэтнических отношений, краеугольным камнем остается предмет обсуждения: по каким критериям судить о степени решенности поставленных задач.

Действительно, эффективность единой государственной национальной политики должна оцениваться через возможность применения единых лекал, иначе любой регион сможет по своему рефлексировать и официально транслировать смыслы этноконфессиональной политики на уровне субъекта РФ, муниципального образования, местечка и т. п., соответственно, судить о перспективах успешной реализации федеральных предписаний, оценивая управленческие решения в этом вопросе. Однако этноконфессиональный дискурс в обязательном порядке должен соотносываться не только с «писаными» законами, которым не удается дисциплинировать индивидов на уровне повседневности, но и с поисками ответов на вопрос: на каком уровне бытования российского социума зарождается, а затем и проявляется феномен «бризантности» этноконфессиональных отношений, коррелирующих с агрессивностью в отношениях этнофоров?

Характерно, что изначально в проекте Стратегии присутствовал целый раздел, который подробно и четко прописывал характеристики, позволяющие судить о степени эффективности деятельности властей в данной сфере. Фиксировались: доля граждан Российской Федерации в субъекте Федерации, испытывающих неприязнь по отношению к представителям других народов, включая мигрантов (по данным социологических опросов и этномониторинга); уровень открытости людей к контактам с лицами иной национальности в трудовой сфере и в сферах неформального общения (по данным социологических опросов и этномониторинга); отток/приток русского и других народов как характеристики состояния межнациональных отношений в регионе (по данным переписей населения и текущей статистики); уровень межнациональной напряженности (по данным этномониторинга и социологических опросов); количество преступлений, в которых хотя бы одной из сторон проявилась этническая мотивация (по данным правоохрани-

тельных органов и общественного мониторинга); наличие либо отсутствие структурного подразделения по реализации государственной национальной политики, уровень компетентности его кадрового состава, состояние инфраструктуры данной сферы; качество и уровень реализации программ, направленных на укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов России, профилактику этнического и религиозно-политического экстремизма, защиту коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, адаптацию и интеграцию внешних и внутренних мигрантов; качество докладов по итогам анализа и мониторинга межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации⁴.

Можно только догадываться, почему этот раздел не вошел в итоговый документ, тем более что многие указанные критерии спорны с теоретико-методологической и даже с научно-практической точек зрения. Тем не менее, выбор мерил оценивания результатов национальной политики отдан на откуп регионам. Как следствие, налицо следующий социальный факт: практически все региональные власти в качестве объективных (не связанных с деятельностью самой власти) показателей выбирают доли населения, удовлетворительно отзывающегося о реализации этнокультурных прав, положительно оценивающего состояние межнациональных отношений и т. п. Выглядит это внешне научно (по мнению властей и аффилированных информационно-аналитических структур), практикуется повсеместно, постоянно фигурирует в отчетах и докладах. Наиболее часто используемым способом получения социальной информации в таких исследованиях стало сочетание количественных (анкетирование) и качественных (экспертное интервью) методов. Однако можно ли методологически уверенно утверждать, что такое комплексное исследование дает достижение оптимального результата по выявлению требуемых оценок и мнений?

В этой связи полагаем важным вспомнить, что в арсенале современной социологической науки существует методология *Verstehen*⁵, способная если не полностью восполнить выявленные пробелы, то обогатить возможности получения эмпирической социальной информации в непростой (для этого) сфере общественной жизни. Более того, методология *Verstehen* позволяет «замерить» степень этнической эмпатии через повседневный уровень господства негативных гетеростереотипов.

Драматургия этноконфессиональной повести демонстрирует, как в необъятной сфере межэтнических коммуникаций общим местом является убеждение этнофоров, что анекдоты про чукчей, кавказцев, гастарбайтеров-рабов из Средней Азии и т. п. есть неотъемлемая составляющая общероссийской культуры, и практи-

чески каждый нерусский имеет презрительные клички, приписываемые дурные «природные» характеристики. Дискуссии на данную тему формализуют на официальном уровне проблематизацию имперского наследия и современного нациестроительства. Однако сложно выйти на аксиопистию, используя в полевых исследованиях формализованные методы, тем более когда социолог стремится получить информацию о том, как преобразуется и трансформируется социокультурная сфера в зоне этнических контактов, как изменяется уровень открытости людей в общении с лицами иной национальности в трудовой сфере и в сферах неформальной коммуникации.

Серьезным ресурсным потенциалом обладает и этнометодология Гарольда Гарфинкеля, фокусирующаяся в предметном поле на процедурах интерпретации, скрытых, неосознаваемых, нерелективных механизмах социальной коммуникации между людьми. Высокая исследовательская продуктивность этнометодологии проявляется там, где «неявность и фоновость» инстинктивного этнокультурного эссенциализма транслируются и воспроизводятся через зоны этнических контактов, окрашенных негативной исторической памятью и конфликтным социальным наполнением.

Этнометодология, бросая вызов традиционному социологическому подходу изучения общественных действий, обеспечивает способ исследования механизма человеческого поведения в контексте конструирования постоянно меняющейся социальной действительности, выходя на изучение социальных ожиданий. Обычно социологическое исследование трактует воспроизводимость социального поведения в отношении расположений и ожиданий социальных акторов. Вместо того чтобы искать базовые нормативные структуры, этнометодология сосредоточивается на социальных действиях и поведении на стадии их производства. Темы варьируются от образцов взаимодействия автохтонов до доказательства математических теорем, но объединены сосредоточенностью на деталях выполнения социального действия⁶. Полевой опыт подсказывает, что этнометодология продуцирует интеллектуальную готовность осмыслить наивный примордиализм (биологический или культурный) и зафиксировать его через защитный механизм самоидентификации социального актора в обстоятельствах, воспринимаемых им как разрушение этнокультурной среды. Однако именно исследования, основанные на примордиальном подходе, являют этничность как глубинно и сокровенно рефлексивный феномен, особенно в том поликультурном поле, где идея Юргена Хабермаса о патриотической преданности не этническим корням, но демократической конституции государства одинаково распространяется на всех граждан⁷.

В связи с изложенным возникают серьезные основания сомневаться в возможностях только классических количественных и качественных методов социологического исследования в деле изучения механизмов взаимосвязи этнических и социальных явлений в современном обществе, этнических процессов в различных социальных группах и социальных процессов в различных этнических общностях. Полагаем, что подобная «закрытость» обуславливается тем, что «цифры и проценты» необходимо не только дополнять полевой информацией, полученной в ходе глубинных исследований, но и, отказавшись от «привычной установки искать непосредственную и очевидную “предметность” социальных отношений и ценностных манифестаций (даже если они представлялись в ответах самих респондентов при эмпирических массовых опросах как данность) и анализировать “невидимые” функциональные последствия взаимодействий, не артикулируемых и не кодифицируемых в общепринятом языке»⁸.

Таким образом, постановка задачи, выбор процедур (а, значит, и утверждение их соответствия поставленной задаче) и, что самое главное, интерпретация результатов и систематизация этнокультурных регулянтов национальной политики РФ, действующих открыто и (или) находящихся в латентной форме, определяют характер «профессиональных» вопросов для социологии не только официальным заказом. Мы убеждены, что осуществление независимых наблюдений, обследований национальной идентичности и степени эффективности национальной политики, бесспорно, приведут к поддержанию всех форм добровольных межэтнических и межконфессиональных движений и социокультурных обменов, а в перспективе позволят разработать системы оценок позитивного взаимосоответствия общих целей существования, исторически сложившегося этноконфессионального пространства в интересах граждан Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ² См.: О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ (в ред. указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (дата обращения: 11.05.2019).
- ³ См., например: О долгосрочной целевой программе «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ленинградской области на 2012–2014 годы» (с изменениями на 25 ноября 2013 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/537917321> (дата

обращения: 22.05.2019); О государственной программе Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года» (с изменениями на 29 декабря 2017 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/467701348> (дата обращения: 10.10.2018).

- ⁴ См.: Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации». URL: <http://www.iarex.ru/articles/30062.html> (дата обращения: 20.06.2019).
- ⁵ См.: *Ожегова О., Овчаров Д.* К вопросу о методологии Verstehen : прикладные стратегии исследования этноконфессиональной принадлежности // Общество и этнополитика : материалы Второй Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. 1апреля – 15 июня 2009 г. / под

ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. С. 15–22.

- ⁶ См.: Ethn methodology and Conversation Analysis // The Handbook of the 21st Century Sociology / ed. by C. D. Bryant, D. L. Peck. Thousands Oaks : Sage, 2006.
- ⁷ См.: *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство : его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М. : Практикс, 2002 ; *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- ⁸ *Гудков Л.* Негагивная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М. : Нов. лит. обозрение ; «ВЦИОМ-А», 2004. С. 8.

Образец для цитирования:

Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Романовская О. А., Калининкова М. В. Социологическая рефлексия государственной национальной политики современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 370–374. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-370-374>

Cite this article as:

Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Romanovskaia O. A., Kalinnikova M. V. Sociological Reflection of the State's National Policy in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 370–374 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-370-374>
